

## Интервью Каценельсона

Расскажите все, что вы знаете о своих предках

Я не смогу вам рассказать не только о прабабушках и прадедушках, но даже о бабушках и дедушках. Бабушка и дедушка, по-видимому, умерли до моего рождения. Не помню никаких рассказов и воспоминаний родителей об их детстве и об их предках. К сожалению, и про родителей я помню не очень много. Но об этом позже.

Может быть, тогда расскажете где и когда вы родились.

Я родился в 1921 году в Ростове-на-Дону.

Расскажите о городе вашего детства.

Собственных воспоминаний о Ростове у меня не сохранилось. Знаю, что это старинный город, основанный в середине XVIII века. К началу XX века это был крупный промышленный центр, важный речной порт и университетский город.

Кем были ваши родители, что вы о них помните?

Мой отец был заведующим аптекой на одной из главных улиц Ростова. Мать работала в этой же аптеке фармацевтом, хотя специального образования она не имела. Уж не знаю, почему, но мой отец считался очень хорошим специалистом в своей области. Поэтому, когда возникла необходимость укреплять квалифицированными кадрами сельские аптеки, отца послали работать в область. Там был огромный совхоз, который так и назывался «Гигант», вот туда-то и направили отца тоже заведовать аптекой. Было это приблизительно в 1925 году. Там мы прожили недолго.

А какой у вас был дом? Чем вы занимались в свободное время?

Смутно помню нашу деревенскую жизнь. Жили в деревенском доме, который казался мне огромным, держали кроликов, теперь думаю, что был у нас и свой огород. Какие-то смутные воспоминания есть у меня о пожаре, который был в деревне, где мы жили. Прожили мы там недолго. Вскоре отца назначили заведующим аптекой в город Миллерово. Миллерово это областной центр, недалеко от него находится станица Вешенская, знаменитая тем, что там жил М. А. Шолохов. Миллерово являлся центром Донского казачества. В то время казаки были в большом почете, проводилась государственная политика по их всяческому продвижению, в том числе и в области культуры. Было очень принято посылать казачьи хоры в Москву. В Москве им предоставлялись лучшие сцены, даже Большой театр. Я же был очень активным пионером, посещал занятия драматической студии. Кстати, играл главную роль в пьесе в стихах, к сожалению, не помню ее названия. Мне и другим представителям прогрессивной молодежи поручили готовить казаков к поездке в Москву. Мы раздавали им значки «Готов к труду и обороне», Помню этих казаков, часто очень немолодых людей с огромными чубами, с каким удивлением они рассматривали эти значки. Выступление в Москве прошло очень успешно, что было отмечено по возвращении гигантской пьянкой в Миллеровском Доме Культуры. Пьянка была настолько безобразной, что хор хотели разогнать, но вступился Шолохов, а он был в большой чести у начальства самого высокого ранга. Помню смешной эпизод: мы с ребятами играли в волейбол, а в это время подъехала машина, из нее вышел Шолохов с огромными чемоданами. Мы бросились ему помогать, чемоданы были неподъемными.

Anna 10/12/2006 00:45

Formatted: Right: 0,63 cm

Шолохов сказал нам, что он прилетел из Парижа, а в чемодане у него...гвозди. С гвоздями (как и со многим другим) у нас в стране в это время были большие сложности.

Где вы еще жили?

Когда я был в 9 классе, это был примерно 1936 год, отца перевели под Москву в город Бронницы. Должность он там занимал прежнюю: был заведующим аптекой. Жили мы в Бронницах, как и в Миллерово в служебной квартире.

Кто вел хозяйство?

Хозяйство мама вела всегда сама, никаких помощников у нас в доме никогда не бывало.

Дома были книги? Вы любили читать?

Книг у нас было всегда очень немного, может быть это связано с тем, что мы часто переезжали с места на место. Читать я любил, но у меня на это было мало времени, кроме школы я занимался еще музыкой, меня учили играть на скрипке. Занимался я с удовольствием, но бросил занятия с не меньшим удовольствием. Но хороший музыкальный слух пригодился мне и в армейской службе. Понимаете, война была огромной трагедией для всего народа, она была жестокой и кровавой, казалось бы ни о чем кроме войны думать было невозможно. Но она продолжалась четыре долгих года, в ней участвовали в большинстве своем молодые люди. Поэтому хотелось иногда немного отвлечься. Кое-что из мирной жизни внедрялось в армии. Так проходили смотры-конкурсы художественной самодеятельности. Я участвовал в одном из таких конкурсов. Меня и других участников доставили в Москву на самолетах. Мы выступали в Доме Культуры. Я был запевалой. Пели песню «Ты одессит, Мишка!»

Расскажите о вашей школе? Чем вы интересовались?

Там в Бронницах я и окончил школу. Школа моя была очень хорошая. Мне всегда было очень интересно учиться. Учителя у нас были замечательные. У меня были хорошие друзья, со многими из них я потом дружил всю жизнь, теперь никого из них уже нет на свете. Мне всегда были интересны точные науки. Хотя по духу своему я скорее гуманитарий. Недаром на склоне лет я занялся беллетристикой.

А теперь поподробнее о родителях.

Я уже несколько раз упоминал своих родителей, а сейчас расскажу о них подробнее. Рассказать именно сейчас я хочу потому, что перехожу к следующему этапу своей жизни, когда родителей не было рядом со мной. С грустью хочу заметить, что не особенно много о них помню. Вообще вся моя жизнь до войны забылась и померкла. Причиной этому, вероятно, те потрясающие события, в которых мне привелось участвовать.

Мои родители Сарра Павловна урожденная Маневич и Ефим Натанович Каценельсон – выходцы из Белоруссии. Не помню, где именно они родились. Родились они в 90-х годах XIX века. Всю жизнь мои родители проработали в разных аптеках. И родился я можно сказать в одной из аптек: мои родители занимали служебную квартиру при аптеке, там я и появился на свет. Я не знаю, ни как они встретились, ни как поженились. Я уже говорил, что не знаю, какое образование было у отца. Думаю, что он окончил университет или медицинский институт, потому что он считался фармацевтом и провизором высочайшей квалификации. Отец был тихим и спокойным человеком. Вот у мамы был взрывной характер. Как я уже говорил, у мамы специального

образования не было, она ничего кроме школы не окончила, но, живя с отцом, она приобрела много навыков и знаний и всегда работала фармацевтом в тех аптеках, которыми отец заведовал. Воспитывали нас с братом не строго, скорее, уважительно.

У вас дома соблюдались традиции?

В нашей семье не соблюдались никакие традиции, семья была абсолютно нерелигиозной. Я бы сказал, что в нашей семье не было ничего еврейского.

А что говорили о политике?

Не помню никаких разговоров о политике, которые вели мои родители. Думаю, что они были, как говорится «настоящими советскими людьми».

Расскажите о братьях и сестрах ваших родителей.

Почти ничего не помню про братьев и сестер моих родителей. Так, какие-то отрывочные сведения. Брат и сестра отца жили в Москве в самом центре. Я навещал их, когда учился в Москве, приходил к ним на праздники, чтобы полюбоваться военными парадами, которые проходили на Красной площади. Смутно помню разговоры в семье, что у мамы был брат – знаменитый разведчик Маневич. Во время войны отца опять перевели на новое место работы, в подмосковный город Дедовск. Там родители и скончались, в начале 50-х годов

У вас были братья или сестры?

С моим братом Наумом мы были в детстве в хороших дружеских отношениях. Он уважал меня как старшего брата и профессию себе выбрал тоже военную. Служил он на Украине, звезд с неба не хватал, дослужился до капитана. В нашей взрослой жизни мы не много общались, как-то разошлись. Я обвиняю в этом жену моего брата. Наум скончался в 80-х годах. У него есть дочь и внук, но никаких отношений мы не поддерживаем.

Куда вы поступили после школы?

В 1938 году поступил Московский Энергетический Институт им. Молотова. Кстати, директором института была Полина Жемчужина, жена Молотова. Из родительского дома я уехал, слишком далеко было добираться до Москвы. Поселился в общежитии. На первом курсе института я сильно болел, у меня обнаружили хроническую малярию. Пришлось остаться на второй год.

Вам удалось доучиться в институте?

В 1939 я опять стал учиться на первом курсе энергетического факультета, когда вдруг появилось распоряжение правительства забрать всех студентов первокурсников в армию. Говорили, что это всего на один год. Нас всех погрузили в товарные вагоны и повезли на Украину. Высадили нас недалеко от Житомира. Начали нас обучать военному делу. Я попал в школу младших специалистов. Специальность моя называлась «воздушный стрелок-радист». Это – пулеметчик на самолете. Обучали нас двум основным предметам: устройству и применению пулемета и радиоподготовке. Несмотря на то, что радиоподготовка была предметом более сложным, мне она давалась легче. Дело в том, что азбуку Морзе легче было усваивать тем, у кого был

Anna 10/12/2006 00:45

Formatted: Right: 0,63 cm

музыкальный слух, у он у меня был. Обучение должно было продолжаться полгода, но я учился отлично, и меня выпустили досрочно. Меня и еще нескольких человек отправили в часть. Часть эта только формировалась, и туда требовались стрелки-радисты. Мне присвоили звание старшины, и я стал служить в авиационном гарнизоне близ Житомира. Учитывая мои успехи в учебе, меня сделали флагманским стрелком-радистом. Это означает, что я был главным стрелком, если в воздух поднималось несколько самолетов. Внезапно обнаружилась большая неприятность: меня укачивало в воздухе! Меня направили на медицинскую комиссию. Там меня полностью обследовали, заключение было крайне неутешительным, я был признан негодным к полетам. Я стал радистом на аэродроме. Из-за того, что наш полк только формировался, у нас не было полного комплекта самолетов и специалистов. Иногда приходилось подменять товарищей. Поэтому, некоторое время я был переукладчиком парашютов. Именно тогда, воспользовавшись ситуацией, я совершил свой первый прыжок. Он прошел не вполне гладко, за это я получил взбучку от начальства.

Как для вас лично началась война?

22 июня 1941 года ранним утром нас подняли по тревоге. На бегу я спросил своего товарища Леню Минца: «Леня. Почему тревога?» «Миша, это война», - ответил он. Чуть позже мы уже стояли около столба с репродуктором и слушали речь Молотова. Обращение его заканчивалось словами: «Враг будет разбит. Победа будет за нами». Уже в первые часы войны начались проявления растерянности и паники. Стали говорить, что в лесу за аэродромом высадился немецкий десант. Срочно поставили пулеметы на грузовики и послали красноармейцев на этих грузовиках прочесывать лес. Никого не обнаружили. Уже на второй день войны наш полк получил боевое крещение – вылетел на помощь нашим войскам, оборонявшимся на Украине.

Расскажите подробно о вашем участии в войне.

Мы стали рыть щели, готовить самолеты к боевым вылетам, заправлять их горючим. Сразу после начала войны меня выбрали комсоргом полка. Надо сказать, что во всех воинских частях были политработники. Замполитом полка мог быть только офицер, причем летающий, обычно летчик или штурман. Кроме того, имелись секретарь партийной организации и комсорг. Они не должны были летать. Таким образом, не успев повоевать, я стал начальством. По «табели о рангах» полка я был шестым, а звание у меня было всего-навсего старшина.

До войны, когда выяснилось, что я не могу летать и в самом начале войны все вылеты самолетов производились только днем. Но в военное время дневные полеты пришлось сильно сократить, а то и вовсе отменить, т. к. немцы сбивали наши самолеты. Мы почти полностью перешли на ночные полеты. Однажды мне было необходимо проверить в воздухе какой-то радиотехнический прибор. Делать нечего, пришлось лететь. И, о чудо, оказалось, что ночью я могу летать не хуже других, не испытывая при этом никаких неприятных ощущений. С этих пор я начал летать. Я ведь был стрелком-радистом. А их гибло больше всего, поэтому мне было особенно стыдно сидеть на земле. Кроме того, я помнил, что я еврей. Очень не хотелось, чтобы кто-нибудь сказал: «Конечно, разве еврей будет рисковать своей жизнью». Справедливости ради скажу, что мне об этом не напоминали, антисемитизма я не испытывал, но почему-то чувствовал, что ответственности на мне больше, что не могу я быть просто политработником. Я всегда понимал, что на войне не только воюют. Есть много людей, которые, наверное, и оружия-то в руках не держали. Необходимы были люди, чтобы поддерживать огромный и сложный механизм войны. Я не считаю их вклад в победу незначительным, но для себя я считал необходимым сражаться по-настоящему, с оружием в руках.

В конце октября 1941 года наш полк перебазировался на аэродром города Липецка неподалеку от Москвы. Это было очень тяжелое время. Немцы рвались к столице. Как ни страшно было об этом думать, иногда казалось, что им удастся ее взять. По шоссе Орел- Тула двигалась механизированная немецкая армия. На эту дорогу мы и должны были воздействовать с воздуха. Наши старания не были напрасными: шоссе стало местом смерти многих тысяч солдат рейха, пытавшихся войти в Москву с юга. Тем не менее, многие наши части были вынуждены отступать. В декабре 1941 года наступил долгожданный перелом в обстановке на фронте. Враг был остановлен и начал отступление от Москвы. Заслуга нашей части в этом переломе очень велика. Нашу деятельность можно сравнить с работой машин скорой помощи. Днем и ночью мы вылетали туда, где в этот момент больше всего требовалась наша помощь. Приказа на вылет мы ждали, уже находясь на бортах самолетов в полной боевой готовности. Никогда не забуду свой первый боевой вылет в экипаже Степана Харченко. Полет проходил на малой высоте. Под нами – колонна из автомашин, в пешем строю вражеские солдаты. Командир дает команду: «Начать стрельбу!» Самолет задрожал от пулеметных выстрелов. Мы видим, как пули пронизывают немецкие грузовики. Радости моей не было границ. Я не только мог летать, но и совершил свой первый боевой вылет! Снова стал летающим, находящимся в строю. С этих пор меня стали называть «боевой комсорг полка». Я гордился этим званием. Забегая вперед, скажу, что за всю войну я совершил 37 боевых вылетов. Это, я вам скажу, не бомбы таскать, и не деньги считать! Я летал над целью, в меня стреляли с земли, я лежал за пулеметом на животе лицом к хвосту и отбивался. Наши пулеметы были хуже немецких. Потом на наш самолет поставили пушку, но она была не у меня, а у радиста. Тогда моей задачей стало подстреливать самолеты, как бы «ранить» их, а сбивал уже радист из своей пушки.

А в каких военных операциях вы участвовали?

В самом начале войны, когда положение Советской армии было чрезвычайно тяжелым, нашей авиацией наносились удары по объектам немецкого тыла. Наш полк участвовал в налете на Кенигсберг. Затем бомбили занятые немцами Литву и Белоруссию. Мечтали об ударе по Берлину! Но была одна сложность: на такой перелет не хватало горючего. Срочно соорудили дополнительные подвесные баки, емкостью 350 литров. Летчикам предстояло находиться за штурвалом более 10 часов. Большая часть полета проходила над морем. В одном из таких полетов участвовал и я. Налет на Берлин был для немцев совершенно неожиданным. Бомбардировка прошла успешно. Но мы очень волновались, все-таки очень далеко от своей земли! После Берлина мы бомбили Будапешт, поскольку Венгрия была союзницей Германии.

В феврале 1942 года мы получили новую партию самолетов из Хабаровска. Это было очень кстати, в полку оставалось не больше десятка машин. Эти самолеты были построены на средства дальневосточных комсомольцев. В марте 1942 года было создано новое авиационное объединение - авиация дальнего действия, АДД. Туда вошел и наш полк. Особенностью АДД было возможность быстрой переброски самолетов с одного фронта на другой.

Хочу сказать, что, несмотря на то, что я стал участвовать в военных действиях, я продолжал оставаться комсоргом полка. Не хочется произносить громкие слова, но, действительно вдохновлял, убеждал, разъяснял. Мне доверяли, со мной советовались. Думаю, что если бы я не летал (а большинство комсоров не летали) я не смог бы этого делать. Невозможно смотреть в глаза людям, которые через несколько минут будут подвергаться смертельной опасности, отсидевшись на земле!

Перед каждым боевым вылетом проводился митинг, целью которого было не столько объяснение боевых задач, сколько воодушевление бойцов. На каждом таком митинге

Anna 10/12/2006 00:45

Formatted: Right: 0,63 cm

принималось письмо Сталину, в котором мы все клялись в том, что будем честно выполнять свой долг. Обычно я составлял и читал эти письма.

С сентября 1942 года наш полк начал участвовать в Сталинградской битве. Задания выполнялись днем и ночью, в любую погоду, часто на бреющем полете. Бомбили прямо в городе, часто на одной стороне улицы находились наши войска, а на другой – неприятель. Во время боев за Сталинград мне приходилось несколько раз принимать участие в боевых вылетах. Мы участвовали в этой операции до февраля 1943, до полного разгрома окруженной немецкой армии. За это время наш полк произвел несколько тысяч боевых вылетов, все время был в боях. Бои были непростыми: мы воевали против немецких самолетов-истребителей последней модификации. Эти истребители начинали охоту за нашими самолетами, когда мы заходили на посадку, и становились хорошо видны в свете посадочных прожекторов. Мне не раз приходилось отстреливаться в такой ситуации.

После Сталинграда наш полк перебазировался на запад. Немцы собирались взять реванш за поражение под Сталинградом. Сделать это они собирались под Курском летом 1943 года. Там они собирались окружить большое количество наших войск. Именно Курск, а также Белгород и Орел стали целями наших вылетов. До сих пор помню картину, которую я наблюдал из кабины самолета. В воздухе висят светящиеся авиационные бомбы, они медленно спускаются на парашютах, освещая землю. Видны сотни солдат, а также взрывы на высоте полета. Это стреляют по нам.

Летом 1943 года нас перебазировали на аэродром недалеко от Калинина. Мы должны были принять участие в обороне Ленинграда, который почти с начала войны находился в блокаде. Нам было поручено бомбить вражеские позиции в Ленинградской области. Здесь мы впервые за всю войну применили тысячекилограммовую бомбу. Однажды нас атаковал вражеский истребитель, наш стрелок был ранен, осколки снаряда повредили фюзеляж самолета. Нам повезло: самолет не загорелся, мы смогли благополучно приземлиться.

Во время боев под Ленинградом была особенно активна истребительная авиация немцев, особенно в ночное время. В один из вылетов я ощутил это на собственной, можно сказать, шкуре. Мне очень трудно было отличить свет фар атакующего истребителя от фар машин, едущих по дороге. В таком случае нужно было иметь в виду, что фара самолета включается лишь на короткое время. В таком случае я производил выстрел по фаре. Ночью трудно было присмотреться, прицелиться. Мой пулемет находился в самом хвосте самолета, обзор был плохой. Однако мне удалось попасть по фаре, самолет престал мигать. Добил же его второй стрелок экипажа из пушки, пушка всегда нас выручала.

После возвращения от цели я всегда смотрел на затемненный Ленинград. Огромной темной глыбой возвышался Исаакиевский собор. Никогда не забуду аэропуть, заслоняющие город от бомб, обеспечивающие его противовоздушную защиту. Я много раз бывал в боевых вылетах над столицами и крупными городами разных стран. Но никогда не видел такой системы защиты.

Бои над Ленинградом продолжались целый месяц. За это время совершили более 500 боевых вылетов.

В конце 1943 года нам приказали бомбардировать военные объекты в районе Хельсинки, ведь Финляндия была союзницей фашистской Германии.

В начале 1944 года у нас появились новые цели – Финский залив. После этого все лето 1944 мы освобождали Севастополь, Крым, западную Украину, Молдавию, Румынию и Венгрию.

Зимой и весной 1945 наш полк совместно с наземными войсками освобождал Польшу. Второй раз за войну мы наносили бомбовые удары по Кенигсбергу. Полеты были более тяжелыми, чем в начале войны, т. к. позиции укрепили огромным количеством

зенитных орудий, которые стреляли по нашим самолетам. Потери были велики. Но в начале апреля Кенигсберг был взят. Было понятно, что наступил решающий этап войны. Полк перебазировался на территорию Польши. Отсюда до Берлина было 600 километров, для авиации дальнего действия – рукой подать. 10 апреля мы бомбили вражеские корабли в портах Балтийского моря. Нашей целью было не допустить высадки войск с этих кораблей, эти войска направлялись на помощь берлинскому гарнизону. 17 апреля мы бомбили укрепленный район на левом берегу Одера. Одновременно включились 100 прожекторов, которые обеспечивали освещение зоны противника. Вся их оборона была видна как на ладони. А 20 апреля мы нанесли мощнейший бомбовый удар по Берлину. В конце апреля еще несколько раз бомбили окруженные в Берлине немецкие войска. В одном из этих боевых вылетов участвовал и я. Последняя бомба была сброшена на Берлин 28 апреля 1945 года.

Расскажите о конце войны.

Наступила долгожданная победа. Никогда не забуду ликования, охватившего всех нас. Наш полк всю войну находился в действующей армии. Нами были уничтожены 243 самолета на вражеских аэродромах и 48 в воздушных боях. В полку 29 человек получили звания Героя Советского Союза и один человек – звание дважды Героя. Расскажу о своих наградах, не сочтите это хвастовством. За участие в великой отечественной войне я награжден двумя орденами «Красная звезда», медалями «За оборону Москвы», «За оборону Ленинграда», «За оборону Сталинграда»

Сталкивались ли вы с антисемитизмом?

За все время моей службы в армии с 1939 года и до самой победы я не могу вспомнить ни одного случая антисемитизма, даже намек на него. Не боюсь показаться высокопарным, скажу, что наш полк был дружной многонациональной семьей. Кстати, отмечу, что секретарем партийной организации полка был Анатолий Юкельзон, а во втором полку нашей дивизии замполитом был Илья Герзон. Я же – комсорг полка по фамилии, как вы знаете, Каценельсон. Вот и говорили в шутку, что политическая работа в дивизии зиждется на трех «-зонах». Какой уж тут антисемитизм!

Как вы решили начать мирную жизнь?

Итак, война окончилась, началась демобилизация. Я задумался о своей дальнейшей судьбе. Одна возможность – вернуться в институт, откуда меня забрали в армию. Вторую мне подсказывают друзья. Что, если остаться в армии, стать офицером, поступить учиться в военную академию. Начальник политотдела нашей дивизии уговаривал меня поступить учиться в Военно-политическую академию. Он же предлагал мне остаться без всякого дальнейшего обучения у него, быть его помощником по работе с комсомольцами. Это, конечно, был путь к карьере, но к политической. Тогда бы я сразу получил звание майора, приличный оклад, причем немедленно. Но я не хотел такой карьеры. Должен сказать, что за все время службы я всячески отбивался от повышений в звании, я боялся, что это задержит меня в армии. Все-таки с детства меня привлекала учеба и техника. Я отказался от заманчивого предложения замполита и уговорил своих начальников отпустить меня в Академию им. Жуковского на радиотехнический факультет. Академии принимали тогда только офицеров, мне быстренько присвоили звание лейтенанта, и я стал собираться. Мое начальство было очень недовольно моим предстоящим отъездом, я боялся. Как бы они

Anna 10/12/2006 00:45

Formatted: Right: 0,63 cm



в последний момент не передумали. Документы были уже отправлены в Академию, надо было спешить. В день отъезда я даже не зашел попрощаться в кабинет замполита, а том висела моя шинель. Так и укатил без шинели.

Надо сказать, что еще во время войны, мне пришлось быть в Москве в командировке. Тогда я зашел в Академию. Хотел узнать правила приема, вообще разведать обстановку. Пока я стоял в очереди в отдел кадров, через огромную стеклянную дверь я увидел, как человек в звании старшего лейтенанта, моет пол в зале. Я подумал: «А что же я – старшина буду здесь делать?» Вышел из очереди и покинул Академию. Думал, что больше туда не вернусь.

На этот раз меня встретили приветливо. Мало у кого из поступающих были боевые ордена: в основном все они были из технического состава, а их боевыми орденами не баловали. Я взял справку из Московского Энергетического Института, что числюсь их студентом, сдал вступительные экзамены на подготовительные курсы радиотехнического факультета. Подхожу к доске со списками поступивших и вдруг вижу свою фамилию в числе непринятых с припиской явиться на встречу с руководством Академии. Я до блеска начистил сапоги, почему-то мне это показалось очень важным, отправился к начальнику академии. Он встретил меня очень дружески и сказал, что, по его мнению, мне нечего делать на подготовительном курсе и предложил учиться сразу на первом. Я сказал, что не чувствую себя готовым, что я прямо с фронта из землянки при аэродроме. «Возвращайтесь в часть», - был его ответ. «Ждем вас на будущий год, будете поступать прямо на первый курс». Я вспомнил, к каким ухищрениям мне пришлось прибегать, вспомнил свою шинель, висящую в кабинете замполита, и рассказал обо всем этом начальнику Академии. «Ни о чем не беспокойтесь», - сказал он. «Я положу в ваши документы вызов в академию на будущий год». Он так и сделал. Я знал, что документы прежде, чем отправиться в часть, попадали в учреждение под названием Штаб Дальней авиации. Это штаб находился в соседнем здании, туда-то я и отправился. Меня там внимательно выслушали и тут же предложили забрать свои документы и ехать в Ленинградскую Военно-Воздушную Академию им. Можайского. Это меня очень устраивало. Помимо учебы в Ленинграде меня ждала встреча с братом Наумом. Он как раз в это время был студентом Ленинградского Военно-Инженерного Училища. Мы с ним не виделись всю войну. В ленинградской академии учеба уже началась. Я сдал свои документы в отдел кадров. Меня попросили подождать, и ко мне вышел преподаватель математики. Как выяснилось, ему было поручено меня проэкзаменовать. До сих пор помню вопрос, который был мне задан: «Что такое логарифм?» (я поступал на подготовительный курс). Ответил я правильно, меня поселили в общежитии для слушателей. Началась моя учеба в академии. На курсе было 63 человека, а преподаватели – почти все евреи. Меня сразу выбрали комсоргом курса, а спустя некоторое время – секретарем партийной организации. Забыл сказать, что в партию я вступил в 1942 году на фронте. На подготовительном курсе учились один год, в основном вспоминали школьную программу. Кроме учебы у нас было много работы по наведению порядка в городе. Мы расчищали завалы, убирали улицы, ведь Ленинград еще избавился от следов блокады. В 1946 году я стал слушателем первого курса радиотехнического факультета академии. Преподаватели у нас были замечательные. Почти все они были видными учеными, а помимо этого имели огромный опыт преподавательской работы. Впоследствии, когда я сам стал преподавателем, я пытался подражать моим любимым педагогам.

Вы помните Дело врачей?

Я испытываю глубокую благодарность к Академии за все знания, которые она дала нам. Тем не менее, я не могу не рассказать о тех безобразных фактах, которые имели место в Академии во время так называемого Дела врачей. Инициатором травли евреев стал



замполит по фамилии Бабин. Разумеется, это не была его инициатива, он просто проводил в жизнь решения, принимаемые на государственном уровне. Но делал он это с нескрываемым удовольствием. И так, чтобы не отстать от темы, раздуваемой в стране, стали искать, за что можно уцепиться. Наконец нашли. А нашли, что один из слушателей по имени Михаил Становский в анкетах записан украинцем, в то время как невооруженным глазом видно, что он настоящий еврей. Основная претензия, почему скрыл свою истинную национальность. А Михаил и не думал ее скрывать. Он вырос в детском доме на Украине, там-то его и записали украинцем. Так и осталось во всех его документах. Кроме того, за Михаилом был еще один большой грех. Он был чемпионом СССР по шашкам. Как-то раз он отправился на очередной шашечный турнир и пропустил партийное собрание. Ему сказали, что «он променял нашу партию на шашечную». Ему за это объявили выговор. Но преступление такого масштаба требовало не простого выговора, а строгого. А в этом был виноват уже секретарь партийной организации, то есть я. В результате меня сняли секретарства и объявили выговор за семейственные отношения. Тогда стали проверять, не скрываю ли я, что мое настоящее имя Моисей, а не Михаил. Хочу сказать, что немногие знали, что во время войны Становский был летчиком-штурмовиком и совершил 30 боевых вылетов. У него была самая высокая в училище награда – Орден боевого Красного Знамени. Состоялось собрание, на котором Становский был исключен из КПСС.

А как сложилась его судьба?

Его исключили и из Академии, уволили из армии. Он уехал на свою родину, в Одессу. Сильно забегаю вперед, хочу сказать, что много лет спустя мы с Мишей Становским встретились в Израиле, куда он приехал повидаться со своим сыном. Он рассказал мне, что после возвращения в Одессу он устроился на работу в один научно-исследовательский институт и вскоре подал жалобу в Москву на свое исключение из партии. Только после смерти Сталина он получил извещение, что его жалоба будет рассмотрена. Вскоре специальным самолетом, который прислали за ним из Москвы, его доставили в столицу. Михаила восстановили в партии, предложили вернуться в армию. Но он предпочел остаться штатским.

Как вы встретились со своей женой?

В конце 40-х годов один мой товарищ по академии пригласил меня в гости к своему другу. Там собралась большая молодежная компания среди девушек была одна, которую я в первый же вечер знакомства отправился провожать домой. Звали ее Людмила Березовская. Вскоре она стала моей женой. Людмила окончила Ленинградский технологический институт, по специальности она инженер-электрик. Людмила коренная ленинградка. Вместе с мамой - Фирой Лазаревной (отец был на фронте)– ей пришлось пережить блокаду Ленинграда. Фира Лазаревна работала на заводе, ей приходилось пешком добираться до работы, 2, 5 часа в один конец. Люда с другими девушками и женщинами дежурили на крышах, гасили немецкие зажигательные бомбы. Она ходила за водой к проруби на Неве, на ее глазах люди на улицах падали и умирали от истощения.

Где вы работали после академии?

После академии в 1952 году я поехал служить в Липецк. Я был уже женат и у нас был годовалый ребенок. Место это было мне знакомо, потому что во время войны там некоторое время находился наш полк. Но тогда города мы практически не знали: вся наша жизнь проходила на аэродроме. Днем мы готовили самолеты к боевым вылетам, а

ночью производили эти самые вылеты. Та военная зима была очень снежной, если было необходимо, до города мы добирались на санях.

Теперь же мне предстояло жить в этом городе мирной жизнью, с семьей. Город мне понравился. Его пересекает красивая река Воронеж. Город старинный, возник на месте железных рудников в XVIII веке. Мне предстояло читать лекции на Высших летно-тактических курсах Военно-Воздушных Сил. Предмет мой назывался «Боевое применение радиоэлектронного оборудования». Никогда не забуду свою первую лекцию. Захожу в аудиторию, мне докладывает дежурный по группе, он в чине полковника. А я-то всего-навсего старший лейтенант. Я сильно волнуюсь. Подхожу к столу, открываю классный журнал. Поднимаю глаза на слушателей, не могу поверить. Передо мной сидят 33 полковника! Но недаром я тщательно готовился к лекции и читал ее дома перед воображаемой аудиторией. Все прошло хорошо. Преподавать мне было всегда очень интересно. Я хорошо понимал, каких людей я обучаю. Почти все они были военными летчиками высокого класса, большинство прошли войну. Кроме того, я знал, что знания, которые я им дам, они используют для полетов на новейших самолетах. А если понадобится, то и в бою. Вскоре совместно со своим коллегой Костяковым я написал учебник «Навигационно-прицельная система». Учебник оказался очень полезным и нужным, вскоре это подтвердилось очень неожиданным образом. Вскоре после издания учебника к нам в Академию на летную практику приехала группа курсантов. Меня представили им, сказав, что я автор учебника, по которому они занимаются. Один из курсантов сказал мне: «А вы знаете, где мы держим вашу книгу?» - «Где же?» - «Под попой». Я понял, что это был комплимент. Ведь, если книгу оставить на столе, ее тут же схватят увидевшие.

В середине 60-х годов к нам стали приезжать летчики из отряда космонавтов. Они проходили у нас курс полетов на новейшей авиационной технике. При полетах на современных самолетах у космонавтов отрабатывались навыки внимания, и тренировалась скорость принимаемых решений. Достаточно сказать, что при полете на самолете достигается девятикратная перегрузка, даже на космическом корабле она ниже. Однажды у нас в гостях был Космонавт № 2 – Герман Титов Герман Степанович нам всем очень понравился: скромный, знающий, обаятельный. Мы сфотографировались на память.

Что особенно запомнилось из жизни в Липецке?

Однажды в конце 60-х годов нам поручили провести очень ответственное мероприятие: нужно было показать новую авиационную технику высшему руководству стран Варшавского договора. Мне нужно было сделать им доклад о наших самолетах, которые они собирались покупать, показать, как говорится, товар лицом. Я выступил с часовым докладом о новых возможностях радиоэлектронного оборудования современных самолетов. Получилось неплохо. Задавали много вопросов, после окончания был банкет. Моя служба была очень интересной, время пролетело незаметно, хотя прослужил я в Липецке более двадцати лет, приехал старшим лейтенантом, а демобилизовался полковником. По возрасту я подлежал увольнению из армии. Из Москвы стали поступать приказы отправить меня в отставку. Мои начальники долго скрывали меня от служб, контролирующих выполнение приказов о сроках службы. Я был нужен, и это было очень приятно. Наконец в 1975 году прибыл очередной приказ, а в этом приказе список полковников, которых пора уволить. Был в этом списке и я. Пришлось прощаться с друзьями, учениками и покидать Липецк.

Где вы жили после Липецка? Доводилось ли вам сталкиваться с антисемитизмом?

Из Липецка я приехал в Ленинград, откуда была родом моя жена. Жили мы первое время в коммунальной квартире на Фонтанке. Иду я раз по Фонтанке и вижу на доме табличку «Научно-исследовательский институт стали». А в Липецке был филиал Московского института стали, меня приглашали туда читать лекции, предлагали остаться у них после демобилизации, но жена тянула в Ленинград. Итак, я зашел в институт, сказал, что хочу у них работать. Мне очень обрадовались, сказали, что меня берут на работу и тут же посылают в командировку в Ереван. В Ереване выпускали вычислительные машины, и мы с группой сотрудников должны были их посмотреть, по возможности освоить и принять решение о покупке. Меня даже назначили старшим в группе. Тут я вспомнил, что в суете переезда я не заплатил партийные взносы и спросил, не могу ли сделать это в институте стали, по новому месту работы. Мне показали, где сидит секретарь партийной организации института. Он спросил мою фамилию, принял деньги. Тем временем директор распорядился срочно покупать билеты. Я быстро пошел домой, чтобы предупредить жену, не успел войти – телефонный звонок. Звонит начальник отдела, куда меня собирались брать, между прочим, еврей. «Извините, взять вас не можем». Это было мое первое столкновение с антисемитизмом, не считая эпизода в академии в связи с Делом врачей. Итак, я остался без работы, не успев к ней приступить. Я отправился в районный военкомат и меня направили начальником штаба гражданской обороны строительной организации. Чуть позже меня сделали начальником штаба ГО ведущей строительной организации города - Главленинградстрое. Это была огромная организация, в ней состояло около 200 000 человек и под ее контролем находилось все строительство города. Работал я, как всегда честно, но по-настоящему работа меня не увлекала. Часто от меня требовались лишь очень формальные мероприятия, «причесанные» отчеты. За свою предыдущую трудовую, а тем более за военную жизнь я привык к более серьезным делам, хотел, чтобы работа захватывала меня целиком. Хотелось заняться чем-нибудь еще. Я стал активным лектором общества «Знание». Лекторы этого общества выезжали с лекциями в самые разные места: на заводы, строительные площадки, научные институты. Я читал в основном о международном положении. Я даже прославился, стал известен в городе. Про меня говорили, что я даю интересную и яркую информацию, когда заказывали лекцию, часто просили прислать именно меня. Иногда говорили: «Пришлите того, который как Левитан» Мой голос действительно хорошо звучал, не давал заснуть во время выступления.

Проработал я в Главленинградстрое. лет 7-8. Работал бы и дальше, меня ценили, с работой я справлялся.

Расскажите о вашей первой поездке в Израиль.

Но в это время моя дочь с мужем и маленьким ребенком уехала в Израиль. Они с мужем были врачами, и в Израиле им нужно было сдавать экзамен, подтверждающий их квалификацию. Им было очень трудно, и мы с женой решили поехать к ним помочь хотя бы по хозяйству. Так как было понятно, что поедем мы надолго, мне пришлось уволиться с работы. Вылетали мы в Израиль 27 декабря 1990 года. Мы понимали, что в Израиле нас застанет война в Персидском заливе. Так и получилось. Первое, что мы увидели в квартире дочери в Иерусалиме, были противогазы на вешалке при входе. А в комнате стояла кабина противохимической защиты для нашего внука. В стране объявили чрезвычайное положение. Много раз объявляли воздушную тревогу. Нам позвонили из советского консульства и сказали, что мы можем вернуться домой специальным авиарейсом. Ни секунды не раздумывая, мы отказались и остались с нашими детьми. Стали жить. Война шла своим чередом, ракетные обстрелы Израиля участились. Мы помогали детям как могли. Жена готовила, я гулял с внуком и выносил мусор. Денег у нас было очень мало. Мы не голодали, но о том, чтобы купить местные

Anna 10/12/2006 00:45

Formatted: Right: 0,63 cm

газеты мы и не мечтали. Однажды, совершая очередной рейс на помойку, я увидел там целую кипу газет на русском языке. Я захватил их домой и с интересом прочел. Интереснее всего мне было описание действий служб гражданской обороны Израиля в период войны. Я в этих действиях уже принимал некоторое участие: пользовался противогазом, помещал внука в защитную камеру и т. д. Я понял, что мой личный опыт и то, о чем я прочел в газетах, будет интересно в России. Вернувшись домой, я написал обо всем этом. Потом мне показалось, что тема Израиля в войне мною исчерпана, захотелось написать об Израиле в целом. Так появилась книга «Израиль глазами очевидца». Я отнес ее в издательство, мне сказали: «Эта книга найдет своего читателя» и издали книгу тиражом 10000 экземпляров. Книгу довольно быстро распродали. Потом я написал еще много книг про Израиль и одну про Испанию. Я хочу сказать, что моя первая поездка в Израиль во многом определила мою дальнейшую жизнь. Моя жизнь благодаря моему новому увлечению – написанию книг - очень насыщена и интересна. Общий тираж моих книг около 25 тысяч. Все мои книги проданы. Можно сказать и по-другому: они куплены, надеюсь, что и прочитаны.

Что касается моей первой книги, то во вторую поездку в Израиль, это было уже в 1993 году, я взял несколько экземпляров. Один из них я послал послу России в Израиле Александру Бовину.

Он был широко известен в России, как журналист-международник и политический обозреватель. В самые глухие годы Бовин умудрялся доносить до людей некое подобие правды, за что многие люди в России благодарны ему по сей день. Бовин тепло поблагодарил меня за книгу, сказал, что прочел ее с интересом. Это меня очень воодушевило.

Расскажите о ваших детях.

Раз уж речь зашла о семье дочери, хочу рассказать подробнее о своих детях. Нам с женой есть чем гордиться.

Мой сын Борис родился в 1951 году в Ленинграде, а дочь Алла в 1956 году в Липецке. До школы они хотели в детский сад, моя жена всегда работала, в отличие от многих других жен военных.

Мои дети учились в Липецке в математической школе. Оба все годы были круглыми отличниками и окончили школу с золотыми медалями. Дважды за время учебы в школе награждались путевками в пионерские лагеря Артек и Орленок. После окончания школы Алла поступила в Ленинградский Первый медицинский институт, успешно окончила его и стала врачом. В 1990 году уехала с семьей в Израиль.

Борис решил пойти по моим стопам, поступил в ту же самую военную академию, которую в свое время окончил и я. Только специальности, по которой учился мой сын, в мое время не было и в помине: «инженер-кибернетик». После окончания он стал офицером, инженером-кибернетиком военно-космических войск. Служил около города Уссурийска. Через шесть лет был переведен на новое место службы, близко от Ленинграда. В 90-е годы уволился из армии. Теперь он занимается бизнесом.

Как вы отнеслись к смерти Сталина?

А к событиям в Венгрии и Чехословакии? К перестройке?

Когда умер Сталин, у нас дома был настоящий траур. Жена рыдала навзрыд, да и я сам был близок к отчаянию, думали, что жизнь кончена.

События в Венгрии и Чехословакии я воспринимал «как все советские люди», т. е. так, как нам велели это воспринимать. Перестройку поддерживал, ведь она исходила от

Горбачева, Генерального Секретаря ЦК КПСС. Могу сказать, что я всегда поддерживал власть, никогда не был ее противником. Кое-что из того, что было я и сейчас считаю положительными моментами. Никогда я не примирюсь с платным образованием и платной медицинской помощью, а у нас к этому идет. Кроме того, меня угнетает нарастающее влияние религии в нашем государстве, которое по Конституции является светским. И, наконец, я не воспринимаю то, что я называю «свободой разврата». Я не могу спокойно видеть на улицах своего города рекламу фильма «Секс в большом городе». А журналы иногда попадают такие, что их и в руки взять страшно. А еще страшнее подумать, что они могут попасть в руки детям. Нашего президента я очень уважаю. Только мне кажется, что ему следовало бы больше внимания уделять армии. Вот один наш знакомый мальчик окончил мою академию, получил назначение за Урал, а зарплата у него 8 тысяч рублей, (около 320\$)

Вы участвуете в еврейской жизни Петербурга?

В Хеседе я бываю только в качестве тягловой силы, когда моя жена получает там посылки. Я от посылок отказался, сказал, что есть более нуждающиеся. А вот в Совете ветеранов бываю довольно часто, иногда встречаю там Субботу.

[1] Sovkhoz: state-run agricultural enterprise. The first sovkhoz yards were created in the USSR in 1918. According to the law the sovkhoz property was owned by the state, but it was assigned to the sovkhoz which handled it based on the right of business maintenance.

[2] Cossacks: an ethnic group that constituted something of a free estate in the 15<sup>th</sup>-17<sup>th</sup> centuries in the Polish Republic and in the 16<sup>th</sup>-18<sup>th</sup> centuries in the Muscovite state (and then Russia). The Cossacks in the Polish Republic consisted of peasants, townspeople and nobles settled along the banks of the Lower Dnieper, where they organized armed detachments initially to defend themselves against the Tatar invasions and later themselves making forays against the Tatars and the Turks. As part of the armed forces, the Cossacks played an important role in Russia's imperial wars in the 17<sup>th</sup>-20<sup>th</sup> centuries. From the 19<sup>th</sup> century onwards, Cossack troops were also used to suppress uprisings and independence movements. During the February and October Revolutions in 1917 and the Russian Civil War, some of the Cossacks (under Kaledin, Dutov and Semyonov) supported the Provisional Government, and as the core of the Volunteer Army bore the brunt of the fighting with the Red Army, while others went over to the Bolshevik side (Budenny). In 1920 the Soviet authorities disbanded all Cossack formations, and from 1925 onwards set about liquidating the Cossack identity. In 1936 Cossacks were permitted to join the Red Army, and some Cossack divisions fought under its banner in World War II. Some Cossacks served in formations collaborating with the Germans and in 1945 were handed over to the authorities of the USSR by the Western Allies

[3] Bolshoi Theater: World famous national theater in Moscow, built in 1776. The first Russian and foreign opera and ballet performances were staged in this building.

[4] All-Union pioneer organization: a communist organization for teenagers between 10 and 15 years old (cf: boy-/ girlscouts in the US). The organization aimed at educating the young generation in accordance with the communist ideals, preparing pioneers to become members of the Komsomol and later the Communist Party. In the Soviet Union, all teenagers were pioneers.

[5] Molotov, V. P. (1890-1986): Statesman and member of the Communist Party leadership. From 1939, Minister of Foreign Affairs. On June 22, 1941 he announced the German attack on the USSR on the radio. He and Eden also worked out the percentages agreement after the war, about Soviet and western spheres of influence in the new Europe.

[6] Great Patriotic War: On 22<sup>nd</sup> June 1941 at 5 o'clock in the morning Nazi Germany attacked the Soviet Union without declaring war. This was the beginning of the so-called Great Patriotic War. The German blitzkrieg, known as Operation Barbarossa, nearly succeeded in breaking the Soviet Union in the months that followed. Caught unprepared, the Soviet forces lost whole armies and vast quantities of equipment to the German onslaught in the first weeks of the war. By November 1941 the German army had seized the Ukrainian Republic, besieged Leningrad, the Soviet Union's second largest city, and threatened Moscow itself. The war ended for the Soviet Union on 9<sup>th</sup> May 1945.

[7] Komsomol: Communist youth political organization created in 1918. The task of the Komsomol was to spread of the ideas of communism and involve the worker and peasant youth in building the Soviet Union. The Komsomol also aimed at giving a communist upbringing by involving the worker youth in the political struggle, supplemented by theoretical education. The Komsomol was more popular than the Communist Party because with its aim of education people could accept uninitiated young proletarians, whereas party members had to have at least a minimal political qualification.

[8] Political officer: These "commissars," as they were first called, exercised specific official and unofficial control functions over their military command counterparts. The political officers also served to further Party interests with the masses of drafted soldiery of the USSR by indoctrination in Marxist-Leninism. The 'zampolit', or political officers, appeared at the regimental level in the army, as well as in the navy and air force, and at higher and lower levels, they had similar duties and functions. The chast (regiment) of the Soviet Army numbered 2000-3000 personnel, and was the lowest level of military command that doctrinally combined all arms (infantry, armor, artillery, and supporting services) and was capable of independent military missions. The regiment was commanded by a colonel, or lieutenant colonel, with a lieutenant or major as his zampolit, officially titled "deputy commander for political affairs."

[9] Stalingrad Battle: 17<sup>th</sup> July 1942 – 2<sup>nd</sup> February 1943. The South-Western and Don Fronts stopped the advance of German armies in the vicinity of Stalingrad. On 19<sup>th</sup> and 20<sup>th</sup> November 1942 the Soviet troops undertook an offensive and encircled 22 German divisions (330,000 people) and eliminated them. On 31<sup>st</sup> January 1943 the remains of the 6<sup>th</sup> German army headed by General Field Marshal Paulus surrendered (91,000 people). The victory in the Stalingrad battle was of huge political, strategic and international significance.

[10] Kursk battle: The greatest tank battle in the history of World War II, which began on 5<sup>th</sup> July 1943 and ended eight days later. The biggest tank fight, involving almost 1,200 tanks and mobile cannon units on both sides, took place in Prokhorovka on 12<sup>th</sup> July and ended with the defeat of the German tank unit.

[11] Blockade of Leningrad: On September 8, 1941 the Germans fully encircled Leningrad and its siege began. It lasted until January 27, 1944. The blockade meant incredible hardships and privations for the population of the town. Hundreds of thousands died from hunger, cold and diseases during the almost 900 days of the blockade.



[12] Königsberg offensive: It started on 6<sup>th</sup> April 1945 and involved the 2<sup>nd</sup> and the 3<sup>rd</sup> Belarussian and some forces of the 1<sup>st</sup> Baltic front. It was conducted as part of the decisive Eastern Prussian operation, the purpose of which was the crushing defeat of the largest grouping of German forces in Eastern Prussia and the northern part of Poland. The battles were crucial and desperate. On 9<sup>th</sup> April 1945 the forces of the 3<sup>rd</sup> Belarussian front stormed and seized the town and the fortress of Königsberg. The battle for Eastern Prussia was the most blood-shedding campaign in 1945. The losses of the Soviet Army exceeded 580,000 people (127,000 of them were casualties). The Germans lost about 500,000 people (about 300,000 of them were casualties). After WWII, based on the decision of the Potsdam Conference (1945) the northern part of Eastern Prussia including Königsberg was annexed to the USSR and the city was renamed as Kaliningrad.

[13] Medal for the Defense of Stalingrad: established by the decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR as of 22<sup>nd</sup> December 1942. 750,000 people were conferred with that medal.

[14] Doctors' Plot: The Doctors' Plot was an alleged conspiracy of a group of Moscow doctors to murder leading government and party officials. In January 1953, the Soviet press reported that nine doctors, six of whom were Jewish, had been arrested and confessed their guilt. As Stalin died in March 1953, the trial never took place. The official paper of the Party, the Pravda, later announced that the charges against the doctors were false and their confessions obtained by torture. This case was one of the worst anti-Semitic incidents during Stalin's reign. In his secret speech at the Twentieth Party Congress in 1956 Khrushchev stated that Stalin wanted to use the Plot to purge the top Soviet leadership.

[15] Order of the Combat Red Banner: Established in 1924, it was awarded for bravery and courage in the defense of the Homeland.

[16] Odessa: The Jewish community of Odessa was the second biggest Jewish community in Russia. According to the census of 1897 there were 138,935 Jews in Odessa, which was 34,41% of the local population. There were 7 big synagogues and 49 prayer houses in Odessa. There were heders in 19 prayer houses.

[17] Communal apartment: The Soviet power wanted to improve housing conditions by requisitioning 'excess' living space of wealthy families after the Revolution of 1917. Apartments were shared by several families with each family occupying one room and sharing the kitchen, toilet and bathroom with other tenants. Because of the chronic shortage of dwelling space in towns communal or shared apartments continued to exist for decades. Despite state programs for the construction of more houses and the liquidation of communal apartments, which began in the 1960s, shared apartments still exist today.

[18] 1956: It designates the Revolution, which started on 23<sup>rd</sup> October 1956 against Soviet rule and the communists in Hungary. It was started by student and worker demonstrations in Budapest started in which Stalin's gigantic statue was destroyed. Moderate communist leader Imre Nagy was appointed as prime minister and he promised reform and democratization. The Soviet Union withdrew its troops which had been stationing in Hungary since the end of World War II, but they returned after Nagy's announcement that Hungary would pull out of the Warsaw Pact to pursue a policy of neutrality. The Soviet army put an end to the rising on 4<sup>th</sup> November and mass repression and arrests started. About 200,000 Hungarians fled from the country. Nagy, and a number of his supporters were executed. Until 1989, the fall of the communist regime, the Revolution of 1956 was officially considered a counter-revolution.



[19] Provisional Government: Russian government formed after the February Revolution of 1917. The majority of its members were originally liberal deputies of the State Duma. The Provisional Government also had some socialist members, and after a series of political crises the number of socialist ministers increased. The goal of the Provisional Government was to turn Russia into a parliamentary democracy, with broad political liberties, general and equal elections, a multi-party system and equal rights for all citizens. The Provisional Government, however, was unable to solve the country's key problems, namely the withdrawal from World War I, agricultural and food problems and national issues. It was overthrown by the Bolsheviks in November 1917.

[20] Perestroika (Russian for restructuring): Soviet economic and social policy of the late 1980s, associated with the name of Soviet politician Mikhail Gorbachev. The term designated the attempts to transform the stagnant, inefficient command economy of the Soviet Union into a decentralized, market-oriented economy. Industrial managers and local government and party officials were granted greater autonomy, and open elections were introduced in an attempt to democratize the Communist Party organization. By 1991, perestroika was declining and was soon eclipsed by the dissolution of the USSR.

[21] Gorbachev, Mikhail (1931- ): Soviet political leader. Gorbachev joined the Communist Party in 1952 and gradually moved up in the party hierarchy. In 1970 he was elected to the Supreme Soviet of the USSR, where he remained until 1990. In 1980 he joined the politburo, and in 1985 he was appointed general secretary of the party. In 1986 he embarked on a comprehensive program of political, economic, and social liberalization under the slogans of glasnost (openness) and perestroika (restructuring). The government released political prisoners, allowed increased emigration, attacked corruption, and encouraged the critical reexamination of Soviet history. The Congress of People's Deputies, founded in 1989, voted to end the Communist Party's control over the government and elected Gorbachev executive president. Gorbachev dissolved the Communist Party and granted the Baltic states independence. Following the establishment of the Commonwealth of Independent States in 1991, he resigned as president. Since 1992, Gorbachev has headed international organizations.

[22] Hesed: Meaning care and mercy in Hebrew, Hesed stands for the charity organization founded by Amos Avgar in the early 20<sup>th</sup> century. Supported by Claims Conference and Joint Hesed helps for Jews in need to have a decent life despite hard economic conditions and encourages development of their self-identity. Hesed provides a number of services aimed at supporting the needs of all, and particularly elderly members of the society. The major social services include: work in the center facilities (information, advertisement of the center activities, foreign ties and free lease of medical equipment); services at homes (care and help at home, food products delivery, delivery of hot meals, minor repairs); work in the community (clubs, meals together, day-time polyclinic, medical and legal consultations); service for volunteers (training programs). The Hesed centers have inspired a real revolution in the Jewish life in the FSU countries. People have seen and sensed the rebirth of the Jewish traditions of humanism. Currently over eighty Hesed centers exist in the FSU countries. Their activities cover the Jewish population of over eight hundred settlements.